

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

Е.Н. Проскурина¹

*Институт филологии СО РАН
(Новосибирск)*

ОТЗВУКИ ЛИТЕРАТУРНОГО АВАНГАРДА В ГАЗЕТЕ «ЛИТЕРАТУРНАЯ СИБИРЬ» (1933–1934)²

В статье представлены общие сведения о малоизвестном сибирском издании: газете «Литературная Сибирь». Газета выходила в Новосибирске в 1933–1934 гг. Показывается соответствие редакционной политики газеты идеологической платформе метода соцреализма. Особое внимание сосредоточено на анализе поэтики двух редких исключений из общего правила, где слышны отзвуки отошедшего в прошлое литературного авангарда: стихотворениях В. Непомнящих «Письмо другу» и Э. Багрицкого «ТВС».

Ключевые слова: сибирская периодика, газета «Литературная Сибирь», метод соцреализма, литературный авангард.

E.N. Proskurina

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences*

ECHOES OF THE LITERARY AVANT-GARDE IN THE NEWSPAPER "LITERARY SIBERIA" (1933–1934)

The article presents general information about the little-known Siberian edition of the newspaper «Literary Siberia». The newspaper was published in Novosibirsk in 1933–1934. The compliance of the editorial policy of the newspaper with the ideological platform of the method of socialist realism is demonstrated.

---

¹ Елена Николаевна Проскурина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск).

² Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 16-04-00268 «Сибирский авангард 1920 – 1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник».

Special attention is focused on the analysis of the poetics of two rare exceptions to the general rule where the echoes receding into the past of the literary avant-garde represented by the poems «Letter to a friend» by V. Nepomnyashchikh and «ТВС» by Eduard Bagritsky are heard.

Keywords: Siberian periodicals, newspaper «Literary Siberia», the method of socialist realism, the literary avant-garde.

Новосибирская газета «Литературная Сибирь» сегодня уже библиографическая редкость. Ее можно отнести к так называемым «фантомным» изданиям¹, известным большей частью по названиям, а не по содержанию в силу их малой доступности. Полная подшивка «Литературной Сибири» обнаружена нами лишь в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Из истории создания газеты известно, что она была печатным органом-спутником журнала «Сибирские огни» с коротким периодом выхода в свет: 1933–1934 гг. У этого обстоятельства есть несколько причин. Возможно, основная из них та, что «Литературная Сибирь» создана как вспомогательный орган по отношению к главному сибирскому «толстому журналу» «Сибирские огни» в целях подготовки Первого съезда советских писателей, состоявшегося в 1934 г. Об этом заявлено в редакционной статье, опубликованной в первом номере газеты: «„Литературная Сибирь“ должна сыграть большую роль в подготовке к всесоюзному съезду писателей и краевой конференции» [27 сентября]. Пост ее главного редактора занял А. Высоцкий, до этого – главный редактор «Сибирских огней» (1930–1932). Бывший РАППовец, Высоцкий после роспуска в 1932 г. всех литературных организаций, пытаясь доказать свою верность новому литературному курсу, становится рьяным проводником единого метода соцреализма. Его назначение на должность главного редактора «Литературной Сибири» во многом определило лицо газеты.

На содержательно-тематическом уровне доминирующими в «Литературной Сибири» стали материалы, относящиеся к сфере литературной критики. Среди авторов-критиков здесь появляются имена

---

¹ О «фантомных» изданиях см.: [Жилякова, 2016].

Г. Вяткина, В. Итина, В. Вегмана, Ис. Гольдберга, Г. Павлова, А. Куликова, Н. Кудрявцева, И. Ерошина, Г. Пушкарева, К. Урманова, Ал. Сафронова, Б. Шляева и др., активно сотрудничавших в это время с журналом «Сибирские огни». Широта авторского состава не отразилась, однако, на тематике литературно-критического материала. В основном это статьи-призывы, построенные по единой агональной модели высказывания, агитирующие к созданию произведений «о героических днях», «новой социалистической Сибири», «Большом Новосибирске», «героическом комсомоле».

Публикуемые газетой литературные произведения своей тематикой практически полностью укладываются в провозглашаемый свод идеологических, агитационно-пропагандистских норм. Особым «послушанием» отличаются здесь авторы прозаических и драматургических текстов, сосредоточившиеся на общей теме новой Сибири как большой стройки. Ориентация на соцзаказ видна уже на уровне названий произведений: Ис. Гольдберг «Когда выбывает боец. Шахтерская новелла», В. Глебов. «Суровый рост», Н. Кудрявцев «Враги. Глава из повести “Трубоклады”», А. Кузнецова «Сказка о том, как Толя мост построил», Г. Пушкарев «Цех. Вторая картина из пьесы “Ошибка инженера Шацкого”» и др. Всерьез о поэтике этих произведений говорить невозможно по причине их низкого качества, в чем виден не столько творческий, сколько «ремесленный» подход к литературе как «литературному делу». «Строительный сюжет» поддерживается соответствующей подборкой иллюстраций – гравюр и фотографий, таких, как «В шахте», «Плавка», «В кузнице», «Сталевары», «Ударный труд» и др.

Некоторое разнообразие наблюдается в публикуемом в газете корпусе поэтических текстов. На двух из них нам хотелось бы сосредоточить внимание. Это стихотворения Вас. Непомнящих «Письмо другу» и Э. Багрицкого «ТВС». Средняя часть «Письма другу» служит художественной иллюстрацией отношения к литературе как к ремеслу, что соответствует установке на соцзаказ:

В этот час
Над рабочим поселком
Сирены

Голоса поднимают наперебой,
И к станку,
    в механический,
    в третью смену
Ты шагаешь с веселой,
Горластой гурьбой.

А меня в этот час
    Боевым приказаньем
Ремесло беспокойное
    Садит за стол:
Я, как токарь,
    Обтачиваю звучанья
Солеваром
    Сгущаю словесный рассол.

Друг мой!
    Мы делаем общее дело:
Над деталью машины
Склоняться тебе,
Я тружусь,
Чтоб хорошая песня пропела
О работе,
    победах,
    борьбе...

Перепевы тем и перифразы строчек Маяковского¹, как и «лестничная» форма стихотворения свидетельствуют о художественной вторичности этой части «Письма другу». Однако в начальных его строках чувствуется дыхание «чистой» поэзии:

---

¹ (ср.: «...Я себя // советским чувствую // заводом, // вырабатывающим счастье. <...> Я хочу // чтоб к штыку // приравняли перо...» («Домой»); «Труд мой // любому // труду // родствен...» («Разговор с фининспектором о поэзии») и др.). Стихотворения Маяковского цитируются по: [Маяковский, 1955].

Я окно распахнул...
Замечательный воздух! –
Темносиний,
прохладный,
Тяжелый, как ртуть,
Он настоен
На радостных искристых звездах,
На черемуховом цвету.

Ах, черемухи!...
Цвету-то, цвету!...
Все бело,
Будто снова вернулась зима.
И сейчас вот
Роняют тяжелые ветви
Лепестки
На страницы письма...

В реминисцентное поле приведенных строк встраивается и «Сыплет черемуха снегом» Есенина, и «Распустилась черемуха в нашем саду» К.Р., и его же «Растворил я окно...» («Разлука»). Но, в отличие от средней части, здесь нет признаков прямого копирования. Хотя при анализе невольно напрашивается антитетическая параллель с «Разлукой», несмотря на то, что в стихотворении К.Р. нет образа черемухи: в нем весенняя ночь овеивается «благовонным дыханьем сирени». Однако в стихотворении «Распустилась черемуха в нашем саду» образ черемухи соседствует с образом сирени: «Распустилась черемуха в нашем саду, // На сирени цветы благовонные...» [К.Р., 1994], что дает основание прочитывать оба стихотворения в едином образном контексте, тем более что написаны они с недельным промежутком: «Разлука» 13 мая 1885, а «Распустилась черемуха...» 21 мая того же года. Косвенным свидетельством произвольности нашего предположения о творческой переключке «Письма другу» и «Разлуки» служит тот факт, что, положенная на музыку П.И. Чайковским, она давно стала известным романсом.

Ведущий в «Разлуке» мотив грусти («Растворил я окно – стало грустно невмочь») у Вас. Непомнящих меняется на радостное созерцание ночного пейзажа, напоенного ароматом черемухи. За этой мотивной антитезой можно усмотреть идеологическую подоплеку: мотив радости жизни, труда у Вас. Непомнящих противопоставлен мотивам грусти, тоски, разлуки в стихотворении К.Р., что должно символизировать кардинальную перемену существования в советской стране. То есть своим стихотворением Непомнящих вступает не только в творческий диалог с поэтом К.Р., но одновременно и в идеологический поединок с К.Р. как великим князем – представителем царской династии России. Так «Письмо другу» приобретает победный социальный пафос.

В плане формы показательно, как Вас. Непомнящих пытается «осовременить» традиционный анапест, разложив его «лесенкой», придать ему авангардный вид и более энергичное звучание – по образцу поэзии Маяковского. Если для средней, «производственной» части этот прием можно признать подходящим, то в начальной («Я окно распахнул...») он воспринимается как авторское насилие, создающее впечатление диссонанса между формой и содержанием. Возможно, такая организация строк послужила для Непомнящих еще одним способом дистанцирования от стихов К.Р., также написанных анапестом, с чередованием трех- и четырехстопности:

Растворил я окно – стало грустно невмочь –
 Опустился пред ним на колени,
 И в лицо мне пахнула весенняя ночь
 Благовонным дыханьем сирени
 (Разлука. [К.Р., 1994]);

Распустилась черемуха в нашем саду,
 На сирени цветы благовонные;
 Задремали деревья... Листы, как в бреду,
 С ветром шепчутся, словно влюбленные
 (Распустилась черемуха... [К.Р., 1994]).

Из довольно серого в целом – и по тематике, и по художественному достоинству – поэтического материала особенно выделяется стихотворение Э. Багрицкого «ТВС» (1929 г.), републикованное в 4(6) номере «Литературной Сибири» за 1934 г. в

связи со смертью поэта и помещенное рядом с посвященным ему некрологом «Большой поэт». Главный акцент в статье делается на несвоевременной смерти поэта, умершего от «гриппозного воспаления легких, соединенного с давней астмой», «в годы творческого расцвета», когда он преодолел в себе «ряд предрассудков, свойственных мелкобуржуазной интеллигенции» и «до конца» осознал себя «поэтом наступающего социализма». В перечне признаков «творческого расцвета» числятся простота «органически-революционной» формы, доступность содержания стихов Багрицкого. Однако публикуемое в качестве иллюстрации выдвинутых тезисов стихотворение «ТВС» как по форме, так и по скрытому смыслу вступает с ними в противоречие. Возможно, известные его строчки «Оглянешься – а вокруг враги; // Руки протянешь – и нет друзей; // Но если он скажет: “Солги”, – солги; // Но если он скажет “Убей”, – убей», встроенные в монолог Дзержинского, были восприняты с классовой позиции как способ простого решения трудных нравственных вопросов. К тому же чуть позднее они стали переключаться с известной формулой Горького «Если враг не сдается, – его уничтожают». Статья под таким названием была опубликована 15 ноября 1930 г. сразу в двух центральных газетах: в «Правде» и в «Известиях» – в последнем случае в несколько измененном варианте: «Если враг не сдается, – его истребляют». Полностью фраза звучит так: «Против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей; и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, – его истребляют» [Правда]. Повторенные впоследствии во многих речах советских идеологов и подкрепленные авторитетом Горького, эти слова послужили оправданием репрессий и массовых «чисток» 1930-х гг.

В стихотворении Багрицкого к лирическому герою, больному туберкулезом («ТВС» – медицинский термин, за которым скрыто название болезни «Tuberculosis»), в горячечном бреде является призрак умершего к тому времени Дзержинского: «...на ткани полезла ржа; // Значит: озноб, духота, жар. ... Прямо с простенка не он ли, не он // Выплыл из воспаленных знамен? // Выпив бороду, щурясь слегка // Едим глазом из-под козырька». Призрак убеждает его в необходимости выполнения революционного долга. Если в начале герой понимает, что

не в состоянии идти на заседание «рабкоровского кружка», то после речи Дзержинского находит в себе силы для этого. Такова фабульная основа «ТВС». Сюжет же его оказался гораздо сложнее и многосмысленнее.

В «ТВС» Багрицкий обыгрывает балладный сюжет явления мертвеца/беседы с мертвецом, не раз варьируемый в революционной поэзии в варианте разговора с портретом (например, «Разговор с товарищем Лениным» или «О дряни» Маяковского). Однако состояние *болезни к смерти*, в котором пребывает герой, лишает убедительности приведенные выше заклинания главного чекиста. Сама взвинченная, болезненная интонация стихотворения, куда встраивается и речь Дзержинского, оспаривает его ведущий тезис: «Да будет почетной участь твоя; // Умри, побеждая, как умер я».

Сюжетной организацией с ведущим в ней мотивом бреда «ТВС» сближается не столько с названными произведениями Маяковского, отмеченными прямым революционным пафосом, сколько с повестью Зазубрина «Щепка» (1923 г.), где главный герой – чекист Срубов находится в мятущейся духовной позиции и в итоге сходит с ума. Общим для обоих произведений становится их болезненный фон, в котором у Зазубрина существует Срубов, а у Багрицкого не только лирический герой, но и Дзержинский: «Жилка о висок // Глуше и осторожней бьет. // (Значит, из пор, как студень сок, // Медленный проступает пот)».

Общими элементами сюжета обоих произведений являются картины чекистских будней и чекистской расправы – развернутые в «Щепке» на многие страницы и сжатые до нескольких поэтических строк в «ТВС». Сравним два показательных в плане межтекстовой переклички фрагмента.

«Щепка»: «До кабинета Срубов шел очень долго. В кабинете заперся. Повернул ключ и внимательно посмотрел на дверную ручку – чистая, не испачкана. Оглядел у лампы руки – крови не было. Сел в кресло и сейчас же вскочил, нагнулся к сиденью – тоже чистое» [Зазубрин, 1990, с. 50].

«ТВС»: «В крови, в чернилах квадрат сукна, // Ржавчина перьев, бумаги клоч // – Всё друга и недруга стерегло. // Враги приходили – на тот же стул // Садись и рушились в пустоту. // Их нежные кости сосала грязь. // Над ними захлопывались рвы. // И подпись на приговоре вилась // Струей из простреленной головы».

Схожим является и унылый бытовой фон обоих произведений:

«Щепка»: «Бледной лихорадкой лихорадило луну. И от лихорадки, и от мороза дрожала луна мелкой дрожью. И дрожащей, прозрачно-искристой дымкой вокруг нее ее дыхание. Над землей оно сгушалось облаками грязноватой ваты. ... На дворе в молоке тумана рядами горбились зябко-синие снежные сугробы. В синем снегу, лохмотьями налипшем на подоконники, лохмотьями свисавшем с крыш, посинели промерзшие белые трехэтажные многоглазые стены» [Зазубрин, 1990, с. 48].

«ТВС»: «Солнце спускается по стене. // Кошкам на ужин в помойный ров // Заря разливает компотный сок. // Идет знаменитая тишина. // И вот над уборной из досок // Вылезит неприбранная луна».

Есть в «Щепке» и беседа с призраком, однако не в плане революционной апологетики, как у Маяковского, а открытой полемики:

«Маркс на стене выпятил белую грудь сорочки. [Срубов] увидел – разозлился.

– Белые сорочки, товарищ Маркс, черт бы вас побрал» [Зазубрин, 1990, с. 50].

Нельзя сказать, что сомнения героя-расстрельщика в «Щепке», утратившего решимость в отношении к своей «профессии», идут в сравнение с сомнениями лирического героя «ТВС», у которого нет сил пойти на «собрание рабкоровского кружка». Здесь, скорее, выстраивается параллель с образом Дзержинского, оправдывающего свою кровавость революционной необходимостью: «О мать революция! Не легка // Трехгранная откровенность штыка». Рассказ Зазубрина заканчивается видением героя, где революция выведена в красках «Хождения Богородицы по мукам»¹: «... оборванная, в серо-красных лохмотьях, во вшивой грубой рубахе, крепко стояла Она босыми ногами на великой равнине, смотрела на мир зоркими гневными глазами» [Зазубрин, 1990, с. 91]. Мотив революционного мщения становится еще одной «точкой сборки» обоих произведений.

---

¹ [Подробно см.: Проскурина, 2002].

Трудно сказать определенно, знал ли Багрицкий повесть Зазубрина. После ее создания писатель отправил рукопись в Москву. И хотя напечатать в 1920-х гг. «Щепку» не удалось, можно предположить, что ее хорошо знали как в сибирских, так и в столичных литературных кругах¹. Но и в том, и в другом случае, при параллельном чтении с зазубринской повестью «ТВС» прочитывается как ее семантическая квинтэссенция.

Стихотворение Багрицкого, при его внешней размерности, отличается повышенной экспрессия, выраженная через «рваный», меняющийся ритм, короткую фразу. Его стих словно просится быть разбитым в «лесенку»:

...Домой до вечера. Тишина.
Солнце кипит в каждом кремне.
Но глухо, от сердца, из глубины,
Предчувствие кашля идет ко мне.

И сызнава мир колюч и наг:
Камни – углы, и дома – углы;
Трава до оскомины зелена;
Дороги до скрежета белы...

Как и в случае со стихотворением Вас. Непомнящих, в «ТВС» тоже можно говорить о несоответствии формы и содержания, только в обратном смысле. Традиционный ритм «Письма другу» не совпадает с его «лестничной» организацией, тогда как традиционная форма «ТВС» «противится» его внутреннему ритму, конфликтует с ним, стремится к авангардной разреженности строки.

Следует отметить, что своей стилистикой «ТВС» также переключается с зазубринским текстом, характерной особенностью которого является экспрессивность, лапидарность, упругость стиля, сближающие его с поэтикой авангардизма.

Если тематически в «ТВС» утверждается дело революции как дело тяжелое, но правое – по той же логике, что у Маяковского в строчках: «Товарищ Ленин, работа адская будет сделана и делается уже»

---

¹ [См.: Проскурина, 1994, с. 63; Яранцев, 2012, с. 65-85].

– или в приведенных выше финальных строках «Щепки», то образный и мотивный слой текста это утверждение подрывают как бы изнутри, из его поэтической плоти. Содержательное пространство стихотворения оказывается глубже считываемого смысла. И в этом видится еще одна параллель с зазубринской повестью.

К сказанному хотелось бы добавить, что в «ТВС» Багрицкий опередил современников метафорическими характеристиками своего века: «век-часовой» в строках: «А век поджидает на мостовой, // Сосредоточен, как часовой» – перекликается с мандельштамовским «веком-волкодавом» в стихотворении «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931, 1935)), а в образе грозного человека с усами угадывается образ Сталина: «Я тоже почувствовал тяжкий груз // Опушенной на плечо руки. // Подстриженный по-солдатски ус // Касался тоже моей щеки»), как позже в известном стихотворении Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны» (1933), ставшего для поэта роковым: «Его толстые пальцы, как черви, жирны, // И слова, как пудовые гири, верны, // Тараканы смеются усища, // И сияют его голенища» [Мандельштам, 1995, с. 226].

Это, пожалуй, единственный случай за всю историю газеты, когда художественный текст, выбранный в качестве подтверждения редакционных идеологических императивов, вступает в противоречие с заданными рамками интерпретации.

В целом же материалы газеты «Литературная Сибирь» соответствуют уже сформировавшемуся к Первому съезду писателей соцреалистическому канону. И лишь двумя представленными стихотворениями на ее страницы наброшена тень отошедшего в прошлое литературного авангарда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

27 сентября 1933 года // Литературная Сибирь. – № 1. – 1933, 27 сент.

Жилякова, Н. В. К истории томского журнала «Силуэты жизни родного города» (1909) – «Силуэты Сибири» (1910) / Н. В. Жилякова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 147-160.

Зазубрин, В. Щепка / В. Зазубрин // Зазубрин В. Общежитие. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1990. – С. 34-91.

-
- 510 с.
Литературная Сибирь. – № 1–7(9). – 1933–1934.
Мандельштам, О. Полное собрание стихотворений / О. Мандельштам.
– Санкт-Петербург: Академический проект, 1995. – 720 с.
Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / В. В.
Маяковский. – Москва: Художественная литература, 1955.
Правда, 1930. – № 314, 15 нояб.
Проскурина, Е. Н. Неопубликованные письма В. Я. Зазубрина / Е. Н.
Проскурина // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – № 4. – С. 61-67.
Проскурина, Е. Н. Конфликт двух миров в творческой судьбе В. Я.
Зазубрина / Е. Н. Проскурина // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика.
Памяти Ю. С. Постнова. – Новосибирск, 2002. – С. 159-174.
Яранцев, В. Зазубрин. Человек, который написал «Щепку» / В.
Яранцев. – Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2012. – 752 с.

Т. А. Ильина¹

Тверской государственный университет

**ПУТЕШЕСТВИЯ И ЭКСКУРСИИ В
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ**
(анализ архивных и опубликованных материалов тверской
женской учительской школы им. П. П. Максимовича)

В статье анализируются архивные и опубликованные источники, отражающие роль путешествий и экскурсий в учебно-воспитательном процессе Тверской женской учительской школы им. П.П. Максимовича и хранящиеся в Научной библиотеке Тверского госуниверситета.

Ключевые слова: Тверская женская учительская школа им. П.П. Максимовича, школа Максимовича, путешествия, дореволюционная школа,

---

¹ Татьяна Анатольевна Ильина, кандидат филологических наук, заведующая отделом редких книг Научной библиотеки Тверского государственного университета. ilyina_tver@mail.ru